

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПРАВА

ДАРЬЯ ГЕННАДЬЕВНА АЛОВА (ТРИНИТКА)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

101000, Российская Федерация, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

E-mail: d.trinitka@hse.ru

DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-5-alova

ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ НАУЧНОГО ОБЪЯСНЕНИЯ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Аннотация. Правовое обоснование как феномен юридической науки до сих пор не рассмотрен в современной науке как зонтичный термин, содержащий в себе большой эпистемологический потенциал в качестве элемента научного объяснения. В статье автор предлагает изучение правового обоснования с позиции двух больших областей права: теоретическая и практическая правовые науки. Именно правовое обоснование представлено в качестве связующего элемента дихотомических областей юридической науки, которое позволяет не только качественно изучать существующий правоприменительный материал, но и прогнозировать, выстраивая теоретические конструкции для дальнейшего развития законодательной сферы.

Юридическую науку в целом невозможно представить как без аргументации, используемой не только в правоприменительной деятельности, но и в теоретической плоскости, так и без объяснения, которое обнаруживает себя не только в коммуникации, но и в обосновании правовых феноменов наукой, что крайне ценно для гносеологического аспекта права. Именно поэтому так важно разграничить понятия «аргументации» и «объяснения», которые не всегда раскрываются только при помощи контекста. Правовое обоснование в качестве элемента научного объяснения помогает юридической дисциплине систематизировать не только правовую практику, связанную с принятием решения, но и методологический аппарат.

Первая часть статьи посвящена изучению правового обоснования в теоретическом разрезе с позиций философии, логики и семиотики права. Автор утверждает, что правовое обоснование представляет собой особую языковую метасистему, позволяющую рассматривать право во всем его междисциплинарном разнообразии при помощи не только смежных гуманитарных наук, но и естественно-научных.

Вторая часть статьи утверждает обоснование в качестве правового методологического аппарата, при помощи которого происходит подбор подходящих аргументов для принятого решения, которое формулируется в сознании субъекта, принимающего правовое решение на основании чувственного представления об эйдосах «добраго» и «справедливого».

Ключевые слова: правовое обоснование, аргументация, рассуждение, эйдос, методология права

DARYA G. ALOVA (TRINITKA)

National Research University «Higher School of Economics»
20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation
E-mail: d.trinitka@hse.ru

LEGAL REASONING AS AN ELEMENT OF SCIENTIFIC EXPLANATION IN JURISPRUDENCE

Abstract. Legal reasoning as a phenomenon of legal science has not yet been considered in modern science as an umbrella term containing a great epistemological potential as an element of scientific explanation. In the article, the author proposes the study of legal reasoning from the standpoint of two large areas of law: theoretical and practical legal sciences. The legal reasoning is presented as a connecting element of the dichotomous areas of legal science, which allows not only to qualitatively study the existing law enforcement material, but also to predict, building theoretical structures for further development of the legislative sphere.

Legal science as a whole cannot be imagined without argumentation, which is used not only in law enforcement, but also in a theoretical plane; and without explanation, which reveals itself not only in communication, but also in the substantiation of legal phenomena by science, which is extremely valuable for the epistemological aspect of law. That is why it is so important to distinguish between the concepts of "argumentation" and "explanation", which are not always revealed only with the help of context. Legal justification as an element of scientific explanation helps the legal discipline to systematize not only the legal practice associated with decision-making, but also the methodological apparatus.

The first part of the article is devoted to the study of legal reasoning in a theoretical context, from the standpoint of philosophy, logic and semiotics of law. The author argues that legal justification is a special linguistic metasystem that allows considering law in all its interdisciplinary diversity with the help of not only related humanities, but also natural sciences.

The second part of the article affirms the rationale as a legal methodological apparatus, with the help of which the selection of suitable arguments for the decision

is made, which is formulated in the mind of the subject making the legal decision on the basis of the idea of the *eidos* of "good" and "fair".

Keywords: legal reasoning, argumentation, *eidos*, methodology of law

Правовое обоснование как феномен теории права и элемент научного объяснения представляет собой до сих пор не определенный до конца научным сообществом зонтичный термин. Дискуссия об определении понятия не утихает со второй половины XX в.¹ вплоть до настоящего времени². Тем не менее это важное явление теоретической и практической правовой сферы обнаруживает себя во многих конструктивных аспектах юридической жизни общества: будь то обоснование применения конкретной нормы судьей для разрешения дела по существу или же обоснование существования правовой сферы в жизни государства, несмотря на наличие иных социальных регуляторов поведенческих моделей индивидуумов.

Так, Дж. Вигмор, раскрывая сущность правового обоснования, упоминал, что она сокрыта в сфере доказывания, причем отмечал именно индуктивную природу утверждений³. Однако в настоящее время в научной среде до сих пор не утихают дискуссии относительно природы правового обоснования, в том числе сомнению подвергаются такие обоснованные с научной точки зрения концепции, как моделирование юридических положений при помощи индуктивного математического метода с использованием теории вероятности⁴, ставшего достаточно популярным и обсуждаемым в связи с внедрением искусственного интеллекта в различные гуманитарные отрасли. Но такое смешение гуманитарного и естественно-научного знания стало интересным инструментом, который смог показать отличие от привычных дедуктивных и индуктивных моделей, что доказало существование

¹ См.: *Simon D.* A Psychological Model of Judicial Decision Making // *Rutgers Law Journal*. 1998. Vol. 30. P. 4.

² См.: *Spaak T.* Legal Philosophy and the Study of Legal Reasoning // *Belgrade Law Review*. 2021. Vol. 69 (4). P. 795–811.

³ Скорее всего это связано с правовой семьей, к которой относится исследователь права. Так, представитель англосаксонской правовой семьи будет в первую очередь связывать феномен обоснования с вынесением судьей решения, а представитель континентальной правовой семьи — с обоснованием самой системы права как регулятора поведения субъектов. См.: *Wigmore J.H.* The principles of judicial proof. 2nd ed. Boston, 1931.

⁴ См.: *Tillers P.* Webs of Things in the Mind: A New Science of Evidence // *Michigan Law Review*. 1989. Vol. 87. P. 1225–1258.

и иных моделей построения правового обоснования, помимо общепринятых философских инструментов⁵. Таким образом, следует говорить о правовом обосновании как о междисциплинарном явлении, обнаруживающем себя как комплексное явление юриспруденции.

Именно правовое обоснование служит тем теоретическим конструктом, который выстраивает связь между правоприменительной и фундаментальной теоретической сферами, так как обоснование отвечает тем философским принципам, по которым можно отделить научное знание от донаучного и ненаучного: отражение и стремление к истине, системный подход, особые языковые средства и обоснованность. Через призму метода научного познания обоснование характеризуется логическим подбором определенных аргументов для высказывания определенного положения дел в той или иной практической или теоретической ситуации. Так, обоснование являет собой теоретический фундамент для научной аргументации, что представляется в правовой сфере как необходимый категориальный аппарат, без которого невозможны рассуждения о праве как в общих категориях, так и в частности. В зависимости от области исследования применяются различные виды обоснования (например, интерпретация, объяснение, рассуждение и проч.), но все они основаны на применении определенных видов аргументов и способах взаимодействия между ними, которые будут рассмотрены далее.

1. Правовое обоснование как логический феномен

С точки зрения логики рассуждение как вид обоснования можно раскрыть в качестве определенной последовательности шагов, ведущих к выводу, где один шаг непременно влечет существование другого шага, а их череда приводит к выводу⁶. Визуально такое рассуждение выглядит в качестве дерева возможных вариантов, где из нескольких посылок следует вывод, причем разные посылки могут привести к одному выводу. То есть гораздо важнее не сами посылки, а их дальнейшее превращение в вывод, который будет являться посылкой для последующего вывода. Такой подход используется большинством правоприменителей, где посылка и вывод должны представлять собой сочетание, соединенное причинно-следственной связью. Если такая

⁵ См.: *Sartor G. Legal Reasoning: A Cognitive Approach to the Law*. Berlin, 2005.

⁶ См.: *Walton D. What Is Reasoning? What Is an Argument?* // *Journal of Philosophy*. 1990. Vol. 87. P. 404.

связь отсутствует, то мы говорим об отсутствии правового обоснования принятого решения.

Юридические решения, которые являются следствиями из приведенного обоснования, представляются в виде суждений, которые можно разделить на два типа.

1. Дескриптивный тип (описывает существующее положение дел).

2. Прескриптивный тип (предписывает определенные действия; как правило, именно этот тип используется для выражения правовых норм⁷).

Также необходимо привести классификацию логических суждений, используемых в процессе обоснования, которые разделяют на четыре типа.

1. Посылка и вывод как дескриптивные суждения (убийство ведет к смерти одного из членов общества, что деструктивно сказывается на всем обществе, поэтому убийство запрещено законом).

2. Посылка как дескриптивное суждение, а вывод как прескриптивное суждение (убийство не позволяет обществу развиваться нормально, поэтому убийство должно быть запрещено законом).

3. Посылка и вывод как прескриптивное суждение (убийство запрещено на территории Российской Федерации, поэтому убивать в Москве также запрещено).

4. Посылка как прескриптивное суждение, а вывод как дескриптивное суждение (убийство в Москве запрещено, поэтому в Большом театре не убивают людей).

При интерпретации как правоприменителем, так и теоретиком права важно помнить о том, какой тип суждения используется, соотнося его с поставленными задачами. Приведенный тезис безусловно важен не только для лингвокогнитивного аспекта обоснования, но и для эпистемологического, который позволяет приращивать научное знание путем вынесения новых утверждений из уже существующих.

Для того чтобы посылка стала истинной для следствия, необходима аргументация. Сам по себе термин «аргументация» достаточно многозначен, он используется в различных категориях и методологических аппаратах, что приводит к тому, что обосновываются различные теории аргументации. Общим остается тот факт, что любое рассуждение, независимо от сконструированных для определенной за-

---

⁷ См.: *Капаев Э.Ф.* Деонтическая логика // Символическая логика / Под ред. А.И. Мигунова и др. СПб., 2005. С. 399–400.

дачи методов, представляет собой связь между существующей, бытийной реальностью и реальностью, сконструированной в теоретическом смысле. Так, например, Франц ван Эмерен отмечает, что к числу исследований в области аргументации следует причислить: «...философские исследования понятий рациональности и разумности, теоретические исследования, в которых разрабатываются модели аргументации, основанные на таких понятиях, качественные, а также количественные эмпирические исследования различных аспектов аргументационной реальности, аналитические исследования, направленные на теоретическую реконструкцию дискурса в сфере аргументации и текстов, и практические исследования конкретных видов аргументационных практик»⁸, что является первичным набором коммуникативных практик в деятельности юриста.

Также Ф. Эмерен отмечает, что аргументация представляет собой деятельность, включающую в себя рассуждения⁹. Причем особо важно подчеркнуть разницу между рассуждением и аргументацией, так как в научной литературе зачастую этим различием пренебрегают. Итак, аргументация не является отдельной формой рассуждения, а скорее деятельностью, включающей в себя рассуждения. Именно поэтому так важно обратить внимание на дефиницию понятия «рассуждение».

В психологической науке рассуждение обычно рассматривается в качестве особой формы мышления индивидуума, которое отличается по своей сущности от посылок и вывода. Вывод, в свою очередь, определяется в качестве случая, при котором новое знание приращивается из предшествующей информации, порой даже не осознаваемой субъектом, в силу существующего паттерна сознания. Мышление является более сложной формой выведения умозаключений, при которой субъект сознательно управляет процессом обработки данных для достижения поставленной цели познания, т.е. мышление всегда осознаваемо самим человеком и служит определенной цели. Так, например, Д. Мошман определяет рассуждение как «эпистемологически ограниченное мышление»¹⁰. Согласно Д. Уолтону такой сознательный и целе-

---

⁸ *Eemeren van F.H.* Crucial Concepts in Argumentation Theory. Amsterdam, 2001. P. 109.

⁹ См.: *Eemeren van F.H., Grootendorst R., Henkenman, F.S., Blair J.A., Johnson R.H., Krabb E.C., Plantin C., Walton D.N., Willard C.A., Woods J. & Zarefsky D.* Fundamentals of Argumentation theory: A Handbook of Historical Background and Contemporary Developments. Hillsdale, 1996.

¹⁰ *Moshman D.* Cognitive Development After Childhood / W. Damon and D. Kuhn eds. // Handbook of child psychology. Vol. 4, 5. New York, 1998. P. 953.

направленный акт вывода включает в себя вывод из заданного набора предложений, которые принято называть посылками; а рассуждение определяется как соединение нескольких выводов¹¹.

Аргументация как явление обычно возникает, когда рассуждения применяются в целенаправленных диалогах. Однако стоит заметить, что не все рассуждения обязательно должны быть аргументированы, потому что они используются в определении эпистемологического статуса утверждений. Субъекты речевой коммуникации, в отличие от других форм взаимодействия, пытаются прийти к общему выводу, участвуя в словесных рассуждениях. Также феномен аргументации имеет место, когда речь заходит об убеждении одного человека другим. Но стоит отметить, что не все вербальные средства могут быть причислены к аргументации: так, например, этос и пафос не относятся к видам аргументации, хотя и являются эффективными средствами для убеждения собеседника, так как они не включают в себя элемента логоса. Важным замечанием будет указание на то, что аргументация не всегда носит межличностный характер и апеллирует к собеседнику. Порой субъекта, воспринимающего иную точку зрения, не может быть рядом (например, если аргументация приводится в научной статье), но это не означает, что характер положений не будет носить аргументационного характера.

Аристотель отмечал, что аргумент состоит из утверждений (так называемой посылки) и заключений, где посылки дают основания для поддержки вывода¹². Способ, которым посылка связывается с выводом, в дальнейшем определяет саму структуру построения аргументации. Различается три структуры вывода: дедуктивная, индуктивная и предполагаемая¹³. Логические аргументы определяются как аргументы, использующие дедуктивный метод, где одно из заключений может быть выведено из другого (второе заключение будет являться посылкой для первого). Если посылки будут верными, то и следствие будет верным¹⁴. Индуктивные аргументы основаны на вероятности, а не на обязательности. То есть такой тип аргументов допускает вероятность того, что если посылки будут верными, то следствие может быть верным. И третий тип аргументов — правдоподобный: определяется как «ограниченное, предварительное допущение утверждения

¹¹ См.: *Walton D.* Op. cit.

¹² См.: *Aristotle. Rhetoric* / Ed. by W.D. Ross. Oxford, 1924.

¹³ См.: *Walton D.* Op.cit. P. 54.

¹⁴ См.: *Nickerson R.* Reflections on Reasoning. Hillsdale, 1986. P. 101.

как истинного, которое может быть подтверждено на практике, при условии, что нет достаточных доказательств того, что предложение ложно»¹⁵. Если понимать посылки в этом типе аргументов в качестве условных, то и следствие будет условно в той же степени, что и посылки. То есть вывод в данном случае будет предварительным, истинным лишь в каком-то количестве процентов, что обычно применимо к новым для нашего мышления ситуациям. Различные типы аргументов, основанные на предположительных суждениях, включают в себя такие элементы, как общепринятые факты, мнения экспертов, выводы, сделанные по аналогии, и т.п. В разных областях существуют разные наборы типов аргументов, применимые именно к этому типу науки: в юриспруденции эти критерии будут более четкими, нежели в моральных дискурсах. Так, например, Минс и Вонс утверждают, что качественно невозможно оценить такие системы аргументов с точки зрения таких общих критериев, как релевантность и приемлемость¹⁶.

Как уже было упомянуто, не каждый элемент дискурса, включающий в себя последовательность вербальных рассуждений, может именоваться частью аргументации. Объяснение как процесс, например, имеет схожие черты с аргументацией, что значительно усложняет отделение одного феномена от другого. Оба этих феномена включают в себя рассуждения, что приводит к наличию схожих семантических и формальных структур: и аргументы, и объяснения состоят как минимум из двух частей, где одна является отправной точкой, а вторая — конечной. Также и аргументация, и объяснение обычно обнаруживают себя по таким словам-маркерам, как «потому что», «следовательно» и «так как». Причем оба исследуемых феномена являются вербальными социальными актами рассуждения, имеющими транзакционный характер: существуют потенциальные получатели новой информации (пусть даже на уровне внутриличностной коммуникации), целью которой является расширение понимания получателя знания¹⁷. Важным отличием аргументации от объяснения является их цель. Объяснение имеет проясняющую, конкретизирующую цель в коммуникации. Аргументация же представляет причины, по которым реципиент должен воспринять тезис донора. Так, например, М. Бейкер опре-

¹⁵ *Walton D.* Op. cit. P. 72.

¹⁶ См.: *Means M.L., Voss J.F.* Who Reasons Well? Two Studies of Informal Reasoning among Children of Different Grade, Ability, and Knowledge Levels // *Cognition & Instruction*. 1996. Vol. 14. P. 139–179.

¹⁷ См.: *Keil F.C.* Explanation and Understanding // *Annual Review of Psychology*. 2006. Vol. 57. P. 227–254.

деляет аргументацию как деятельность, включающую установление определенных типов отношений между обсуждаемыми предложениями и другими источниками знаний, установление которых призвано влиять на эпистемологический статус этих утверждений¹⁸. Тогда различие между аргументацией и объяснением следует проводить исходя из контекста диалога как в локальном, так и в общем смысле.

Порой для того чтобы понять отличие аргументации от объяснения, необходим контекст, позволяющий понять намерение субъекта коммуникации. Рассмотрим следующее утверждение для примера: «Я украл, потому что у меня нет денег на продукты». Данное предложение может быть воспринято и как объяснение, и как аргументация. Если эта фраза была бы ответной в диалоге на вопрос «Откуда у тебя появилась красная икра?», то такое утверждение можно было бы называть объяснением, так как оно объясняет, откуда у человека появилась красная икра. Но возможен и другой вариант: например, в следующем диалоге:

А: Я украл.

Б: Как ты можешь красть? Это же незаконно!

А: Я украл, потому что у меня нет денег на продукты!

Так, субъект Б использует рассматриваемую фразу в качестве аргумента, где указана причина, подтверждающая исходное положение. То есть происходит не объяснение своей позиции, а используется аргументация совершенного деяния. Для того чтобы понять, какой характер носит утверждение, достаточно выделить признак истинности — предполагают ли участники коммуникации истинность или нет¹⁹. Если истинность утверждения ставится под сомнение, оспаривается эпистемологический статус утверждения, то предложение следует отнести к объяснению.

Как объяснение, так и аргументация считаются достаточно важными вербальными средствами коммуникации, которые улучшают понимание, восприятие и обмен рассуждениями. Помимо сугубо эпистемологических целей, объяснение и аргументация выполняет та-

---

¹⁸ См.: *Baker M.J.* Argumentative Interactions, Discursive Operations and Learning to Model in Science // P. Brna, M. Baker, K. Stenning & A. Tiberghien (Eds.), *The Role of Communication in Learning to Model*. Mahwah New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates. 2002; *Baker M.J.* Computer-Mediated Interactions for the Co-elaboration of Scientific Notions // *Arguing to learn: Confronting cognitions in computer-supported collaborative learning environments* / Eds. by J. Andriessen, M. Baker, D. Suthers. Utrecht, 2003.

¹⁹ См.: *Walton D.* Fundamentals of Critical Argumentation: Critical Reasoning and Argumentation. New York, 2006.

кую важную когнитивную функцию, как обучение, что было доказано в научной литературе конца XX в.²⁰ Юридическую науку в целом невозможно представить как без аргументации, используемой не только в правоприменительной деятельности, но и в теоретической плоскости; так и без объяснения, которое обнаруживает себя не только в коммуникации, но и в обосновании правовых феноменов наукой, что крайне ценно для гносеологического аспекта права.

Методологически следует выделить вид аргументации, присущий коммуникационным связям в профессиональных сообществах, используемый для убеждения других в правоте своей позиции, что другими словами можно назвать исследованием последовательности речевых актов. Так, например, П. Фёльцинг в качестве характеристики аргументов выделял доверие слушающего к говорящему, а также сотрудничество между собеседниками²¹. Ю. Хабермас в свое время рассматривал аргументацию в качестве частичного решения более широких вопросов, которые относятся к рациональному дискурсу²². Так, исследовали теории аргументации представляют собой крайности, которые можно свести к срединному пути рассмотрения общих черт и различий между дескриптивными и прескриптивными измерениями аргументации. Именно такой путь позволит ученым восстановить баланс между юридической реальностью и теоретическими изысканиями.

Крайний интерес представляет рассмотрение междисциплинарного феномена аргументации с точки зрения использования в различных системах, которое наиболее отчетливо проявляется в семиотической плоскости. В этом разрезе проблема аргументации нисходит до выявления черт сходства и отличий между двумя языковыми системами. Анализ аргументации с позиций семиотики позволяет исследовать понятия, принадлежащие двум разнородным системам. Так, семиотический анализ аргументации представляется тем междисциплинарным инструментом, который позволяет не только использовать описательный метод проблемы аргументации, но и осуществлять качественный анализ феноменов разнородных систем. Именно при помощи семиотики появляется возможность соединения в исследовании

---

²⁰ См.: *Chi M.T.H., Bassok M., Lewis M.W., Reimann P., Glaser R.* Self- Explanations: How Students Study and Use Examples in Learning to Solve Problems // *Cognitive Science*. 1989. Vol. 13. P. 145–182.

²¹ См.: *Völzing P.L.* Begründen, Erklären, Argumentieren. Heidelberg, 1979.

²² См.: *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt, 1987.

таких аспектов аргументации, как логический, риторический, философский, лингвистический и правовой анализ.

К. Моррис предлагает раскрывать существо семиотического потенциала исследования аргументации при помощи разделения на три измерения: чистая семиотика, дескриптивная семиотика и прикладная семиотика²³. Так, чистую семиотику Моррис сравнивает с нормативным измерением аргументации, так как именно оно отвечает требованиям дескриптивности. Именно чистая семиотика разрабатывает тот метаязык, который используется при моделировании теоретических конструкций в рамках разработки нормативных правовых актов. Описательная семиотика, в свою очередь, выражается в использовании метаязыка, что является случаем правоприменительной практики. В то же время прикладная семиотика заключается в применении самой семиотики в качестве метода, т.е. описывает случаи использования юридической аргументации. Однако следует понимать, что семантическая корректность аргументации не всегда ведет к правильности аргументации с точки зрения коммуникации, потому что коммуникация представляет собой нечто большее, чем процесс обмена метаязыковыми конструкциями. Те аргументы, где присутствует недостаточность логического аппарата, могут стать эффективными с точки зрения риторики, и наоборот.

2. Обоснование через призму принятия правового решения

Одной из главных проблем применения правового обоснования является темпоральность соотношения принятия решения и его обоснования. Приведем пример, из которого станет очевидным вопрос, предстающий перед нами. Известно, что судья в определенном деле сначала выносит резолютивную часть решения по делу, которая заключается в ответе на вопрос «Каким образом должно быть решено дело?». И только после объявления резолютивной части решения у суда возникает обязанность изготовить мотивировочную часть решения (например, согласно Гражданскому процессуальному кодексу РФ в срок, не превышающий пяти дней), отвечающую на вопрос «Почему дело было решено именно так? В чем причина и какое обоснование?», что фактически декларирует процессуальный подход в российском судопроизводстве, на основании которого сначала решение формирует-

---

²³ См.: *Morris C.W. Foundations of the Theory of Signs. In Neurath // International Encyclopedia of Unified Science. Vol. 1/2. Chicago, 1938. P. 9.*

ся в сознании судьи, а лишь потом для такого решения готовится его обоснование. Так же дело обстоит при заседании суда присяжных заседателей, когда присяжные выносят свой вердикт, а лишь после этого судья подбирает правовые обоснования для данного решения²⁴, что также наталкивает нас на мысль о применении правового обоснования для решения по делу *postfactum*. Возможно было бы возразить, что данное обстоятельство обусловлено существующей процессуальной формой, однако не следует забывать о том, что процессуальная форма — это отражение сущности судопроизводства, где первая может быть изменена в любом правопорядке. Следовательно, в судопроизводстве постулируется предшествующее правовому обоснованию вынесение решения конкретным правоприменителем — судьей. Именно этот факт наталкивает на достаточно сложный вопрос: что является первичным — формирование вывода или обоснование такого вывода в сознании субъекта принятия решения?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть, каким образом наше сознание решает вопрос относительно вынесения какого-либо решения: что является первичным — формирование вывода или аргументации/обоснования этого вывода? Каким образом на формирование и обоснование вывода влияет опыт субъекта, принимающего решение? При рассуждении над ответами на такие важные вопросы возникает феномен трудной проблемы сознания, связанный с ментальными особенностями психики человека. Например, Д. Хутто и Э. Мин обозначают аналогичную проблему под словосочетанием «трудная проблема содержания»²⁵, которую раскрывают через принцип нормативности сознания психики. Это понятие подразумевает под собой механизм, согласно которому объекты внешнего мира, проходя сквозь сознание субъекта, являются предопределенными, так как информация поступает к субъекту сквозь субъективные фильтры самосознания самого субъекта. То есть в первую очередь необходимо работать не с самими объектами, а с их *субъективными отпечатками в сознании субъектов*. Однако здесь стоит отметить, что данное соображение относится исключительно к ментальным состояниям, воспринимаемым субъектом, а не абсолютно ко всему окружающему миру, что обусловлено мозговой активностью индивидуумов. Таким обра-

---

²⁴ См.: *Schwartzberg M.* Justifying the Jury: Reconciling Justice, Equality, and Democracy // *American Political Science Review*. 2018. Vol. 112(3). P. 451.

²⁵ *Hutto D., Myin E.* Radicalizing Enactivism: Basic Minds without Content. Cambridge, 2013. P. 57.

зом, говоря о каком-либо предмете окружающего мира, который рассматривается субъектом, стоит помнить о том, что этот предмет в сознании образовался перцептивно, что отложило на него определенный отпечаток. В дальнейшем именно этим отпечатком и оперирует сознание, а следовательно, такой отпечаток не может быть назван правильным или неправильным, потому что любое сознание не поддается качественной характеристике с точки зрения эталонности.

Однако как быть с отражением какого-либо правового феномена в сознании субъекта? Мы считаем, что для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо отметить, что существует огромное количество дефиниций слова «право», в зависимости от симпатии определенного ученого к определенной теоретико-правовой школе. В данном случае мы применим изречение древнеримских правоведов, которое отражает само существо правовой материи: “*Ius est ars boni et aequi*”²⁶. Исходя из этого определения становится очевидным, что право берет свое начало в таких измерениях, как «добро» и «справедливость». А что есть добро и справедливость, как не эйдос в правовой сфере, когда речь заходит о таких чувственных, но имманентно присутствующих каждому человеку моральных субстанциях?

Говоря об эйдосах в правовой сфере, не будет лишним обратить внимание на тот факт, что когнитивные процессы формирования обоснования и вывода не должны конструироваться при помощи объектов окружающей среды. Например, решая вопрос о правомерности убийства собаки, в процессе рассуждения мы должны отталкиваться не от факта совершенного преступления, а от тех эйдосов, которые заложены в правовую материю. То есть необходимо ответить для себя на вопросы «Является ли совершенный поступок добрым? А справедливым?», и только после этого выстраивать канву обоснования и решения, что позволяет понять, является ли данный поступок правомерным или же нет.

Возвращаясь к вопросу о первичности формирования вывода или обоснования в праве, прежде всего вспомним эксперимент Б. Либега, проведенный в 80-х гг. XX в.²⁷ Так, американский нейробиолог провел эксперимент, в результате которого выяснилось, что незадолго до мышечной работы участников эксперимента у испытуемых в го-

---

²⁶ В русском переводе звучит как «Право есть искусство добра и справедливости».

²⁷ См.: *Libet B. Unconscious Cerebral Initiative and the Role of Conscious Will in Voluntary Action // Behavioral and Brain Sciences. 1985. Vol. 8. Iss. 4. P. 529–539.*

лове при помощи электроэнцефалографа был зафиксирован электрохимический процесс в моторном отделе мозга, который отвечает за исполнение работы приводящих в движение мышц²⁸, что означало отсутствие сформированной осознанной воли человека к совершению действия. То есть до того, как было совершено действие в объективном мире, мышцы были приведены в движение, в мозге субъекта уже были обнаружены те психофизические реакции, которые означают принятие решения о движении мозгом до осуществления самого движения и до формирования обоснования такого решения. Вывод, сделанный Б. Либетом, породил дискуссии о существовании свободы воли человека, не прекращающиеся до сих пор. Однако для нас рассматриваемый вывод будет интересен не столько через призму свободы воли, а скорее через призму принятия решения.

Основываясь на выводах, сделанных в ходе эксперимента Б. Либета, в первую очередь стоит говорить о когнитивных способностях субъекта при принятии решения. Так, сам нейробиолог высказывал следующие замечания к своему эксперименту: «Нужно воспринимать полученные данные, — резюмировал Либет, — не как несовместимые со свободой воли, но, скорее, как влияющие на точку зрения по поводу того, каким образом могла бы действовать свобода воли. Процессы, связанные с индивидуальной ответственностью и свободой воли, “действуют” не для того, чтобы инициировать волевой акт, но для того, чтобы выбирать и контролировать его последствия»²⁹. Сам ученый, таким образом, не отнимает право на существование субъективной свободы воли, а скорее пытается интерпретировать тот факт, что электрическая активность мозга проявляет себя на миллисекунды раньше выражения осознанного желания в мозге субъекта напрячь свои мускулы³⁰. Для нас данное положение является прямым доказательством того, что экспериментально подтвержден факт формирования вывода в сознании субъекта, а значит, лишь после него формируется обоснование такого вывода. Следовательно, и процесс

---

²⁸ См.: Kornhuber H.H., Deecke L. Hirnpotentialänderungen bei Willkürbewegungen und passiven Bewegungen des Menschen: Bereitschafts potential und reafferente Potentiale // Pflügers Archiv für die Gesamte Physiologie des Menschen und der Tiere. 1965. Vol. 284. Iss. 1. P. 1–17.

²⁹ Libet B. Op. cit. P. 538.

³⁰ Данный вывод также подтверждается результатами более позднего эксперимента от 2008 г. Ч.С. Суна и Дж.Д. Хейнса. См.: Soon C.S., Brass M., Heinze H.J., Haynes J.D. Unconscious Determinants of Free Decisions in the Human Brain // Nature Neuroscience. 2008. Vol. 11. P. 543–545.

аргументации правового обоснования предстает в свете того, что аргументация, по-видимому, логически подбирается нашим мозгом под то решение, которое уже было принято: будь это та или иная теоретическая позиция или же решение судьей определенного дела.

* * *

Феномен правового обоснования следует рассматривать с двух позиций: с позиции обоснования принимаемого (или уже принятого) решения правоприменителем, где возникает необходимость аргументации нормами права того или иного решения спорной ситуации; а также с позиции обоснования права как необходимого и достаточно-го социального регулятора поведения членов социума, где другие регуляторы недостаточны в своей сути, чтобы действовать в рамках современных государств и надгосударственных образований.

Правовое обоснование является такой универсальной языковой системой, которая несет в себе междисциплинарный признак, позволяющий соединить теоретическую и правоприменительную деятельность, во-первых, для того, чтобы поддерживать баланс правовой материи в динамике быстро меняющейся реальности, принимая новые законы и корректируя уже существующие, а во-вторых, для того, чтобы юридическая теория могла не только *post factum* объяснять принятые решения законодателей и правоприменителей, но и разрабатывать новые пути решения сложных проблем социума, которые после могли бы выражаться в изменении нормативно-правовой базы. То есть правовое обоснование является тем методологическим аппаратом, тем элементом научного объяснения, который выражается в подборе определенных аргументов для высказывания определенного положения дел в той или иной практической или теоретической ситуации, без которого невозможно представить рассуждения о праве как в общем, так и в частных моментах.

Важным вопросом в теории правового обоснования представляется его свойство темпоральности, так как в зависимости от момента принятия решения обоснование выстраивается либо *ante factum* (сначала аргументация, потом вывод), либо *post factum* (сначала вывод, потом аргументация к сделанному выводу). Последние научные достижения в сфере нейропсихологии (см.ч. 2 настоящей статьи) показывают, что первично формирование вывода, а лишь после принятия решения мозгом он пытается аргументировать принятую позицию. Данное положение подтверждает существование эйдоса в праве

как представления о «добром» и «справедливом», благодаря которому сознанию субъекта чувственно представляется возможность отделения «правового» от «неправового». Таким образом, существуют посылки для того, чтобы утверждать существование единого правового эйдоса, играющего основную роль в обосновании правовых решений субъектами социума.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Караев Э.Ф.* Деонтическая логика // Символическая логика / Под ред. А.И. Мигунова и др. СПб., 2005. С. 399–400.
- Aristotle.* Rhetoric / Ed. by W.D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1924.
- Baker M.J.* Argumentative Interactions, Discursive Operations and Learning to Model in Science // P. Brna, M. Baker, K. Stenning & A. Tiberghien (Eds.), The Role of Communication in Learning to Model. Mahwah New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 2002. P. 303–324.
- Baker M.J.* Computer-Mediated Interactions for the Co-elaboration of Scientific Notions // Arguing to Learn: Confronting Cognitions in Computer-Supported Collaborative Learning Environments / Eds. by J. Andriessen, M. Baker, D. Suthers. Utrecht: Kluwer Academic Publishers, 2003.
- Chi M.T.H., Bassok M., Lewis M.W., Reimann P., Glaser R.* Self- Explanations: How Students Study and Use Examples in Learning to Solve Problems // Cognitive Science. 1989. Vol. 13. P. 145–182.
- Eemeren van F.H., Grootendorst R., Henkenman, F.S., Blair J.A., Johnson R.H, Krabb E.C., Plantin C., Walton D.N., Willard C.A., Woods J., Zarefsky D.* Fundamentals of Argumentation Theory: A Handbook of Historical Background and Contemporary Developments. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 1996.
- Eemeren van F.H.* Crucial Concepts in Argumentation Theory. Amsterdam: Amsterdam University, 2001.
- Habermas J.* Theorie des Kommunikativen Handelns. Frankfurt: Suhrkamp, 1987.
- Hutto D., Myin E.* Radicalizing Enactivism: Basic Minds without Content. Cambridge: MA: MIT Press, 2013.
- Keil F.C.* Explanation and Understanding // Annual Review of Psychology. 2006. Vol. 57. P. 227–254.
- Kornhuber H.H., Deecke L.* Hirnpotentialänderungen bei Willkürbewegungen und passiven Bewegungen des Menschen: Bereitschafts potential und reafferente Potentiale // Pflügers Archiv für die Gesamte Physiologie des Menschen und der Tiere. 1965. Vol. 284. Iss. 1. P. 1–17.
- Libet B.* Unconscious Cerebral Initiative and the Role of Conscious Will in Voluntary Action // Behavioral and Brain Sciences. 1985. Vol. 8. P. 529–539.
- Means M.L., Voss J.F.* Who Reasons Well? Two Studies of Informal Reasoning among Children of Different Grade, Ability, and Knowledge Level // Cognition and Instruction. 1996. Vol. 14. P. 139–179.

Morris C.W. Foundations of the Theory of Signs. In Neurath // International Encyclopedia of Unified Science. Vol. 1/2. Chicago: University of Chicago Press, 1938.

Moshman D. Cognitive Development After Childhood // Handbook of child psychology / W. Damon, D. Kuhn eds. Vol. 4, 5. New York: Wiley, 1998.

Nickerson R. Reflections on Reasoning. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1986.

Sartor G. Legal Reasoning: A cognitive Approach to the Law. Berlin: Springer, 2005.

Schwartzberg M. Justifying the Jury: Reconciling Justice, Equality, and Democracy // American Political Science Review. 2018. 112(3). P. 446–458.

Simon D. A Psychological Model of Judicial Decision Making // Rutgers Law Journal. 1998. Vol. 30. P. 1–142.

Soon C.S., Brass M., Heinze H.J., Haynes J.D. Unconscious Determinants of Free Decisions in the Human Brain // Nature Neuroscience. 2008. Vol. 11. P. 543–545.

Spaak T. Legal Philosophy and the Study of Legal Reasoning // Belgrade Law Review. 2021. Vol. 69 (4). P. 795–811.

Tillers P. Webs of Things in the Mind: A New Science of Evidence // Michigan Law Review. 1989. Vol. 87. P. 1225–1258.

Völzing P.L. Begründen, Erklären, Argumentieren. Heidelberg: Quelle and Meyer, 1979.

Walton D. Fundamentals of Critical Argumentation: Critical Reasoning and Argumentation. New York, NY: Cambridge University Press, 2006.

Walton D. What Is Reasoning? What Is an Argument? // Journal of Philosophy. 1990. Vol. 87. P. 339–419.

Wigmore J.H. The Principles of Judicial Proof. 2nd ed. Boston, Mass.: Little, Brown and Company, 1931.

REFERENCE

Baker M.J. (2003). Computer-Mediated Interactions for the Co-elaboration of Scientific Notions. In: Andriessen, J., Baker, M., Suthers, D. Eds. *Arguing to Learn: Confronting Cognitions in Computer-Supported Collaborative Learning Environments*. Utrecht: Kluwer Academic Publishers. (in Eng.).

Baker, M.J. (2002). *Argumentative Interactions, Discursive Operations and Learning to Model in Science*. In P. Brna, M. Baker, K. Stenning & A. Tiberghien (Eds.), *The Role of Communication in Learning to Model*. Mahwah New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, pp. 303–324. (in Eng.).

Chi M.T.H., Bassok M., Lewis M.W., Reimann P., Glaser R. (1989). Self- Explanations: How Students Study and Use Examples in Learning to Solve Problems // *Cognitive Science*, 13, pp. 145–182. (in Eng.).

Eemeren van F.H., Grootendorst R., Henkenman, F.S., Blair J.A., Johnson R.H, Krabb E.C., Plantin C., Walton D.N., Willard C.A., Woods J., Zarefsky D. (1996). *Fundamentals of Argumentation Theory: A Handbook of Historical Background and Contemporary Developments*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc. (in Eng.).

Eemeren van, F.H. (2001). *Crucial Concepts in Argumentation Theory*. Amsterdam: Amsterdam University. (in Eng.).

Habermas, J. (1987). *Theorie des Kommunikativen Handelns*. Frankfurt: Suhrkamp. (in Germ.).

Hutto, D. and Myin, E. (2013). *Radicalizing Enactivism: Basic Minds without Content*. Cambridge: MA: MIT Press. (in Eng.).

Karaev, E.F. (2005). Deonticheskaya logika [Deontic Logic]. Migunov, A.I. ed. *Simvolicheskaya logika* [Symbolic logic]. Saint Petersburg: SPBGU [St. Petersburg State University], pp. 399–400. (in Russ.).

Keil, F.C. (2006). Explanation and Understanding. *Annual Review of Psychology*, 57, pp. 227–254. (in Eng.).

Kornhuber, H.H. and Deecke, L. (1965). Hirnpotentialänderungen bei Willkürbewegungen und passiven Bewegungen des Menschen: Bereitschaftspotential und reafferente Potentiale. *Pflügers Archiv für die Gesamte Physiologie des Menschen und der Tiere*, 284 (1), pp. 1–17. (in Germ.).

Libet, B. (1985). Unconscious Cerebral Initiative and the Role of Conscious Will in Voluntary Action. *Behavioral and Brain Sciences*, 8 (4), pp. 529–539. (in Eng.).

Means, M.L. and Voss, J.F. (1996). Who Reasons Well? Two Studies of Informal Reasoning Among Children of Different Grade, Ability, and Knowledge Levels. *Cognition & Instruction*, 14, pp. 139–179. (in Eng.).

Morris, C.W. (1938). Foundations of the Theory of Signs. In Neurath. In: *International Encyclopedia of Unified Science*. Vol. 1/2. Chicago: University of Chicago Press. (in Eng.).

Moshman, D. (1998). Cognitive Development After Childhood. In: Damon, W. and Kuhn, D. eds. *Handbook of child psychology*. Vol. 4, 5. New York: Wiley.

Nickerson, R. (1986). *Reflections on Reasoning*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. (in Eng.).

Ross, W.D. ed. (1924). *Aristotle Rhetoric*. Oxford: Clarendon Press. (in Eng.).

Sartor, G. (2005). *Legal Reasoning: A Cognitive Approach to the Law*. Berlin: Springer.

Schwartzberg, M. (2018). Justifying the Jury: Reconciling Justice, Equality, and Democracy. *American Political Science Review*, 112(3), pp. 446–458. (in Eng.).

Simon, D. (1998). A Psychological Model of Judicial Decision Making. *Rutgers Law Journal*, 30, pp. 1–142. (in Eng.).

Soon, C.S., Brass, M., Heinze, H.J., Haynes, J.D. (2008). Unconscious Determinants of Free Decisions in the Human Brain. *Nature Neuroscience*, 11, pp. 543–545. (in Eng.).

Spaak, T. (2021). Legal Philosophy and the Study of Legal Reasoning. *Belgrade Law Review*, 69 (4), pp. 795–811. (in Eng.).

Tillers, P. (1989). Webs of Things in the Mind: A New Science of Evidence. *Michigan Law Review*, 87, pp. 1225–1258. (in Eng.).

Völzing, P.L. (1979). *Begründen, Erklären, Argumentieren*. Heidelberg: Quelle and Meyer. (in Germ.).

Walton, D. (1990). What Is Reasoning? What Is an Argument? *Journal of Philosophy*, 87, pp. 339–419 (in Eng.).

Walton, D. (2006). *Fundamentals of Critical Argumentation: Critical Reasoning and Argumentation*. New York, NY: Cambridge University Press. (in Eng.).

Wigmore, J.H. (1931). *The Principles of Judicial Proof*. 2nd ed. Boston, Mass.: Little, Brown and Company. (in Eng.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Алова (Тринитка) Дарья Геннадьевна — преподаватель департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

AUTHOR'S INFO:

Darya G. Alova (Trinitka) — teacher, Faculty of Law, School of Theory of Law and Comparative Law, National Research University Higher School of Economics.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Алова Д.Г. Правовое обоснование как элемент научного объяснения в юриспруденции // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2022. Т. 17. № 5. С. 11–29. DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-5-alova

FOR CITATION:

Alova (Trinitka), D.G. (2022) Legal Reasoning as an Element of Scientific Explanation in Jurisprudence. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS, 17(5), pp. 11–29. DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-5-alova